

Х.Т. Хансен

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСТРЕМЛЕНИЯ ЮЛИУСА ЭВОЛЫ

Первая политическая биография знаменитого итальянского мыслителя на русском языке. Автор, известный австрийский исследователь творчества Ю. Эвола, планомерно обращается ко всем периодам жизни философа на фоне обширной панорамы исторических, политических, культурных событий первой половины XX века. Он подробно останавливается на «беспокойной» теме отношений мыслителя с фашизмом и национал-социализмом, в рамках которой большинство досужих интерпретаторов не только со стороны либералов, но и из традиционалистского лагеря упускают важнейшую компоненту – Трансцендентное.

СОДЕРЖАНИЕ:

[Предисловие переводчика](#)

[Вступление](#)

Решающие влияния на взгляды Эвола

Художественные опыты

Философский период

[На подступах к политике](#)

Отношение Эвола к фашизму в 1935-1945 годы

Эвола и фашизм. Выводы

Эвола и национал-социализм

[Эвола и расизм](#)

Отношение Эвола к евреям

Эвола и неонацизм

Некоторые заключительные замечания

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

*Человек по природе своей есть существо
политическое, а тот, кто в силу своей природы,
а не вследствие случайных обстоятельств,
живет вне государства, – либо недоразвитое
в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек.*

Аристотель. «*Политика*»

Эта книга является концентрированным и фундаментальным исследованием политического аспекта Пути «обособленного человека», последнего кшатрия темного века, барона Юлиуса Эволы, героико-вертикальную траекторию коего невозможно понять, не принимая в расчет господствовавший в первой половине XX века дух времени и те тревожные, глубинные, парадоксальные и страшные феномены, которые стали основанием реальной и тайной политики, закономерно приведшей мировую историю к окончательной победе парадигмы современности и вытеснению Традиции на периферию социума, за рамки «политкорректного» дискурса. Предвзятое отношение к Эволе (пришедшем в конце концов к концепции *аполитеи*, отходу от активной политики) со стороны как академических научных кругов, так и «гуманистически» ориентированных эзотерических организаций связано не столько со скандальной репутацией мага, язычника, алхимика, тантриста, буддиста и т.д., сколько с непосредственным его участием в разработке расовой доктрины фашистской Италии и тесными контактами с верхами Третьего рейха, причем значительные концептуальные расхождения между воззрениями философа и тенденциями правящих партий обычно упускаются из виду. В своей работе, которая изначально была написана как предисловие к немецкому изданию книги Эволы «*Люди и руины*», австрийский ученый, переводчик и издатель Х.Т. Хансен, один из ведущих знатоков жизни и творчества итальянского мыслителя, привлекает обширные цитаты из книг самого философа, из произведений повлиявших на него авторов, из высказываний оппонентов и власть предержащих тех лет и пытается, основываясь на фактах, реабилитировать барона и «дифференцировать» его аристократическое мировоззрение, доказывая сущностную несовместимость трансцендентальной «духовной расовой доктрины» и Политического в его высшем значении не только с примитивным биологизмом расовых теорий двух самых одиозных тоталитарных режимов Европы, но и с современной плебейской политикой как таковой.

Вадим Проскураков

ВСТУПЛЕНИЕ

Многие отвергают идеи барона Юлиуса Эволы, чьи произведения получили широкую известность, отвергают в целом, совершенно их не изучив – из-за отношений мыслителя с фашизмом и национал-социализмом. Подобное неприятие затронуло даже его эзотерические сочинения, не имеющие никакого отношения к вопросам политики. Однако если проанализировать именно политическую деятельность Эволы, то можно выявить новые, зачастую неожиданные факты, которые будут способствовать лучшему пониманию всего творчества этого философа культуры.

Самый оптимальный способ помочь читателю составить независимое мнение о политическом пути Эвола – позволить как можно больше говорить самому философу и с осторожностью отнестись к прочим субъективным оценкам и интерпретациям. Поступая таким образом, мы уделили особое внимание текстам разных лет и различных творческих периодов.

Основная цель нашего исследования – показать, как Эвола пришел к своим высказываниям, зачастую кажущимся «скандальными»: какие из них можно приписать преобладавшему тогда духу времени, а какие – вывести из его «личного уравнения» (одно из любимых выражений философа, которое он применял для описания чьей-либо натуры), и установить, есть ли у него параллели с другими мыслителями. Данная работа создана в стремлении предоставить читателю произведений Эвола дополнительный инструментарий для толкования, с тем чтобы он мог сформировать собственное мнение об этом авторе.

С самого начала мы хотим подчеркнуть один момент: согласно Эволе, центром всех вещей является не человек, а Трансцендентное. Независимо от того, какой проблемы касается мыслитель, он всегда ищет прямую связь с Абсолютом, то есть с той областью, которая находится за пределами обычного человека. Ведь сегодня человек занят одним, а завтра – совершенно другим, тогда как в соответствии с точкой зрения Традиции, принципы, формирующие фундамент нашего мира, всегда остаются неизменными. Эволу интересует не то, что связано со временем, но то, что *над* временем, «вечное». (Этот абсолютный акцент на духовной сфере можно найти в произведениях других интеллектуалов того времени, например, у Мартина Хайдеггера.) Поэтому не стоит ожидать от него отстаивания распространенных ныне на Западе «гуманистических» ценностей – его мировоззрение в корне противоположно тем взглядам, к которым все привыкли. Поэтому мы не будем обсуждать вопрос, способны ли идеи Эвола служить решению бесчисленных сегодняшних проблем. Нас интересует исключительно изучение хода его мыслей.

Мы продемонстрируем, что даже Эвола, который почти не интересовался «низшими регионами» повседневной политики, подчинялся развитию собственных политических взглядов, связанных с различными периодами его жизни – огромна та пропасть, что разделяет написанную в юности книгу [«Языческий империализм»](#)¹ и *аполитеку*, тотально далекую от политики позицию зрелого мыслителя – при том, что своим основным принципам он никогда не изменял.

После знакомства с представленными здесь фактами каждый читатель должен будет определить сам ту дистанцию, которой он желает придерживаться относительно Эвола. Мы же добавим некоторые замечания о структуре исследования. Значительное место отдано мыслителям, повлиявшим на Эволу в юности, поскольку интеллектуальные основания более поздних, далеко идущих доктрин барона (двадцать пять книг, около трех сотен больших очерков и свыше тысячи статей в газетах и журналах) сформировались уже к двадцати пяти годам. Цитируя его «учителей», мы принимали во внимание только те работы, которые он знал и которые прочитал в юности. Идентичность тона этих цитат и сущностных высказываний Эвола (особенно в книге [«Люди и руины»](#)) будет очевидна всем читателям философа. Этим мы не бросаем и тени сомнения на его уникальность, наоборот, стремимся документально проиллюстрировать царивший недавно интеллектуальный климат, будто бы принадлежащий всецело иной реальности, ставящей резкие вопросы о том, что сегодня мы считаем самоочевидным «гуманизмом», другому миру, идеи которого едва ли пригодны для обнародования в настоящее время. Далее следует освещение основной

¹ Julius Evola, *Imperialismo pagano* (нем. издание: Julius Evola, *Heidnischer Imperialismus*, Leipzig, 1933).

темы: Эвола и фашизм, Эвола и национал-социализм, а затем – его воззрения относительно расизма и евреев. Завершат наше исследование замечания о влиянии Эвола на итальянский неофашизм и краткое обсуждение «нравственного» вопроса.

НА ПОДСТУПАХ К ПОЛИТИКЕ²

Заслуга изначального выбора антидемократического и волюнтаристского направления принадлежит самому Эволе, но именно Артуро Регини (1878-1946) оказал то решающее влияние, которое, в конце концов, укрепило эту позицию, снабдив ее духовным основанием. Регини был математиком, лингвистом, масоном тридцать третьего градуса (Шотландский устав) и, прежде всего, сторонником эзотерической «италийской традиции». Эта последняя была попыткой в современную эпоху воскресить пифагорейство и носила подчеркнуто антихристианский характер. Регини познакомил Эволу с произведениями Рене Генона и, соответственно, с главенствующей в них идеей «Традиции». Генон понимал ее не как совокупность определенных правил поведения и обычаев прошлого, но как *метафизическую* реальность, превосходящую время: тотальность принципов и высших, а потому вечных, неизменных ценностей, всецело укорененных в Бытии, т.е. трансцендентности, и воплощающихся в историческом мире в более или менее материализованной форме. Эта традиция образует органичное целое, иерархически структурированное и стремящееся преодолеть связанный с природой элемент, формируя высшее метафизическое основание.³

Регини, а вслед за ним и Эвола, полагал, что классическая римская и греческая религии, а также имперская концепция государства вплотную приближались к этому идеалу. Упадок Традиции, сделавшийся перманентным главным образом с приходом христианства, содействовал крушению Римской империи и в итоге привел мир к его нынешнему состоянию разобщенности. Последним грандиозным жестом Традиции была средневековая империя Гогенштауфенов с ее идеалами аскетизма, рыцарства и строгого феодального разделения общества.⁴

Регини и другие традиционалисты надеялись, что древняя *Imperium Romanum* может быть восстановлена уже при их жизни. В 1924 году в своем журнале «Атанор» Регини пишет, что предвидел появление в Италии строя в античном духе и желал этого. Первостепенной задачей такого режима должна была стать реставрация духовных ценностей, под которыми Регини подразумевал антихристианские и антидемократические принципы. Именно в такой манере первый выпуск (январь/февраль 1924) «Атанора»⁵ выразил свое одобрение фашизму. Традиционалисты верили, как верили представители Консервативной Революции в случае национал-социализма, что фашизм следовало всего лишь «исправить», дабы вывести его на правильный путь. Они неоднократно пытались инициировать такое «исправление». Именно поэтому Регини, а позднее и Эвола, оказались в числе противников усилий, которые пред-

² Эта глава основывается главным образом на превосходных, детально проработанных статьях профессора Марко Росси «Политико-культурная интервенция традиционалистских журналов в 20-е годы: «Атанор» (1924) и «Игнис» (1925)» (Marco Rossi, "L'Interventismo politico-culturale delle riviste tradizionalista negli anni venti: 'Atanor' (1924) e 'Ignis' (1925)", *Storia Contemporanea*, XVIII, no. 3, 1987) и «Журнал «Демократическое государство» и антидемократический антифашизм Юлиуса Эвола» (Marco Rossi, "«Lo Stato Democratico» e l'antifascismo antidemocratico di Julius Evola", *Storia Contemporanea*, XX, no. 1, 1989). Важным дополнительным источником послужила статья Марио Боцци Сентьеры «Идеи Эвола о государстве» (Mario Bozzi Sentieri, "La via evoliana allo stato", *Diorama Letterario*, no. 72, Florence, June 1984).

³ Об этом см. книгу «Восстание против современного мира», вся первая часть которой посвящена описанию мира Традиции.

⁴ См. «Монархию» Данте.

⁵ Эвола тоже писал для этого журнала, хотя и на иные темы.

принимал фашистский режим, чтобы прийти к соглашению с католической церковью. Конечно, эта борьба была безнадежной и завершилась в 1929 году ратификацией Латеранских соглашений между Италией и Ватиканом, то есть поражением традиционалистов.

В рамках борьбы за «языческий империализм», подражавший античному образцу, Регини в философском и эзотерическом журнале «Атанор» подверг резкой критике Муссолини, в то время действующего премьер-министра. На это, как ни удивительно, последовал доскональный и поразительно осведомленный отклик самого дуче (опубликовавшего статью под псевдонимом). Безусловно, в интересах сохранения власти Муссолини никогда не стал бы придерживаться антихристианской линии, но все же интересно, что он отозвался на подобное маргинальное заявление. Во всей этой истории есть некий подтекст, не нашедший пока обстоятельного объяснения и указывающий на информированность Муссолини относительно определенных эзотерических тенденций.⁶

В третьем томе «Введения в магию»⁷ некто по имени «Экатлос»⁸ пишет, что с 1913 года каждую ночь проводились таинственные обряды, предназначенные ускорить возвращение древней Римской империи. Впоследствии были обнаружены священные античные реликвии, сохранившие соответствующую духовную силу. На состоявшемся 23 марта 1919 года ритуале учреждения первого *fascio di combattimento* (боевого подразделения), из которого в 1921 сложилась фашистская партия, присутствовал человек из числа тех, кто проводил те обряды. Он сказал Муссолини: «Ты станешь консулом Италии». 23 мая 1923 года та же самая личность преподнесла Муссолини как главе правительства фасцию. Фасция (от итальянского *fascio littorio*,⁹ отсюда происходит термин «фашизм») была символом главы государства в Древнем Риме. В оформлении фасции, которую получил Муссолини, использовался древний этрусский боевой топор, одна из вышеупомянутых святынь. Кроме того, в 1923 году на Палатине (священном холме Рима согласно античной традиции) состоялось представление части трагедии «Руман. Священная колыбель Рима», чем посетивший его Муссолини остался доволен. В письме, датированном 7 марта 1923 года, он написал: «Руман» должен состояться, несмотря ни на что. Более всего эту инициативу поддерживает правительство». Однако эта трагедия была не обычной театральной постановкой, а подлинным ритуалом и священнодействием, продемонстрировавшим глубокое знание древней римской традиции.

Группа УР (которую, как известно, возглавлял Эвола) также совершала ритуалы, ставившие целью вдохнуть в фашизм дух античного Рима. Тем не менее, согласно христианскому интегралисту Сильвано Паннунцио,¹⁰ Муссолини удивился бы, узнав о том, что Регини и Эвола проводили, предположительно, в этрусской усыпальнице такие обряды. В то же время он добавляет, что Эвола вообще не влиял на фашизм, а если и влиял, то, несомненно, намного меньше, нежели это предполагалось ранее. По крайней мере, католическая церковь считала опасными эти церемонии и парал-

⁶ Профессор Ренато дель Понте частично раскрыл его в своей работе «Римское традиционалистское движение в XX веке» (Renato del Ponte, *Il movimento tradizionalista romano nel novecento*, Scandiano, 1987). См. также его предисловие к книге Юлиуса Эволы и группы УР «Введение в магию».

⁷ Julius Evola, UR Group, *Introduzione alla Magia quale scienza dell'io*, Rome, 1971, p. 381.

⁸ Позднее Ренато дель Понте выяснил личность загадочного «Экатлоса»; как он пишет в своей работе «Эвола и магическая группа УР» (Renato del Ponte, *Evola e il magico "Gruppo di UR"*, SeaR, Borzano, 1994), им являлся Леоне Каэтани, один из соратников Джулиано Креммерца. – Прим. пер.

⁹ Ликторская фасция (ит.). – Прим. пер.

¹⁰ *Metapolitica*, XIII, 3-4, 1988.

лельную издательскую деятельность, поскольку реагировала на них максимально резко. Например, в журнале «Студиум»¹¹ папа Павел VI обличал магов, связанных с Юлиусом Эволой, и их «фанатичные эвокации». В любом случае эзотерическая попытка напитать фашизм древней сакральностью потерпела неудачу. Результаты более поздних интеллектуальных усилий Эволы-писателя, стремившегося к тому же, тоже были отрицательными.

Этот эпизод определенно демонстрирует одно: по крайней мере, на начальных стадиях развития фашизма большинству разнообразных политических и даже эзотерико-политических движений удавалось открыто выражать свои мысли. И это несмотря на то, что Муссолини прикрыв с благословения церкви все масонские ложи, хотя, по утверждению Джанни Ваннони («Масонство, фашизм и католическая церковь»),¹² масонский элемент был представлен не только среди основателей партии, но и в подавляющей массе ее членов. Муссолини все время колебался между модернизмом (примером чего было признание футуризма «официальным» направлением фашистского искусства) и традиционализмом.

Первое собственно политическое эссе Эвола написал по просьбе своего друга графа Джованни Колонна ди Чезаре, убежденного демократа, выпускавшего собственное политическое издание «Демократическое государство», которое из-за приверженности соответствующей идеологии оказалось в оппозиции фашистскому режиму. Ди Чезаре предложил Эволе сотрудничество в журнале. Тот сразу же уведомил его, что может выступить лишь с изобличением демократии; такой ответ вызвал немалое удивление, ведь в то время, помимо вышеупомянутых занятий, Эвола все еще вращался в известных своими демократическими убеждениями теософских и антропософских кругах (между прочим, мать графа являлась итальянским издателем произведений Рудольфа Штайнера). На это ди Чезаре ответил, что свободное выражение мыслей как раз и было бы признаком демократии, а потому Эвола волен писать все, что захочет. Он согласился, и так появился очерк «Государство, власть и свобода»,¹³ в котором Эвола практически полностью переносит свои солипсические философские идеи в сферу государства: лейтмотив этой работы – «Государство как могущество» – стал своеобразным парафразом заголовка его книги «Человек как могущество». Правовая система и легитимность государства могут основываться только на его могуществе, при условии, что это последнее понимается в том духовном смысле, о котором мы говорили выше. В таком контексте Эвола описывал фашизм как «простую карикатуру» и «гротескную пародию, в сравнении с типом правителя и государства, воплощающим принцип свободы» (в 1925 году фашисты уже были правящей партией). Далее он уточнял, что фашистское движение «лишено какой бы то ни было культурной или духовной основы». Лишь после того, как успех принесла «чисто материальная сила», фашизм озаботился созданием таковой, «подобно нуворишу, пытающемуся купить образование и дворянский титул».

Эти слова вряд ли можно назвать дружелюбными. «Патриотическим мифам» делали выговор как упрощенческому «сентиментальному комплексу», который обнаруживает «внутреннюю идеалистическую слабость» и который мог бы быть «ранним признаком опасного компромисса». «Так называемая фашистская революция» есть лишь «насмешка над революцией», поскольку она «формально признала существующий конституционный, парламентский и правовой порядок». Затем Эвола, заходя еще дальше, заявляет, что в таком положении вещей нет ничего удивительного, поскольку

¹¹ *Studium*, XXIV, 6, 1928.

¹² Gianni Vannoni, *Massoneria, Fascismo e Chiesa Cattolica*, Rome, 1979.

¹³ Julius Evola, "Stato, Potenza e Liberta", *Lo Stato Democratico*, 1/7, 1925.

ку «едва ли следует верить», будто у этих «псевдо-революционеров есть власть для осуществления реального *coup d'etat*». ¹⁴

Эвола написал все это вопреки тем надеждам, которые он, разумеется, лелеял относительно фашизма. Он просто хотел «исправить» его и направить в аристократическое русло, чем и будет заниматься – мы сможем в этом убедиться – в течение всей фашистской эры. Эвола всегда (за исключением, быть может, последних лет своей жизни) был сторонником крайних позиций и презирал компромиссы, ибо они происходят из утилитарных соображений. В этом заключалась и одна из причин, по которым он отвергал демократию. Непреклонный поиск совершенной внутренней логической последовательности является и высшим достоинством Эволы, и его величайшей ошибкой.

В первом политическом эссе Эвола постоянно возвращается к своей концепции могущества. Он критикует тех лидеров фашистской партии, которые непрестанно подчеркивали, что у них есть власть, а потому они якобы обладают способностью господствовать. Согласно Эволе, «ощущать потребность при каждой возможности обращаться к собственной власти уже есть свидетельство страха, внутренней слабости и неуверенности, что и вынуждает их в отчаянии прибегать к беспощадному насилию, ибо у них нет внутренней точки подлинной стабильности и могущества».

В той же статье Эвола решительно осуждает применение силы к политическим оппонентам. (Красноречива судьба парламентария Маттеотти, убитого фашистами за стремление аннулировать выборы 1924 года, на результаты которых повлияла террористическая деятельность.)

Такое вступление Эволы в сферу политической полемики не назовешь робким. В том же «*Демократическом государстве*» вышло его эссе «Критические замечания о демократической доктрине». ¹⁵ В предисловии к нему ди Чезаре счел необходимым представить Эволу как «убежденного противника демократии, но определенно не фашиста». Сам Эвола отмечает в этой статье: «О боже! Безусловно, быть недемократичным и быть фашистом – две совершенно разные вещи».

Основываясь на идеях Платона и даосизма, он высказывает соображение о том, что повелевать должны только те, кто обладает подлинной духовностью. Тогда все политические и экономические проблемы будут решены. Эвола и в самом деле полагал, что в Италии можно найти сообщество подобных людей. Позднее именно на формирование такого объединения была нацелена его деятельность в рамках группы УР. В той же статье Эвола отрицает, что политическое поприще как таковое имеет какую-либо ценность само по себе. Вот почему он не интересуется обычной политикой. Только мир идей обладает реальной ценностью и поэтому должен упорядочивать стоящую ниже его политическую сферу. Далее Эвола, неоднократно говоривший об этом и ранее, представляет «коммунизм, анархизм и демократию» как различные оттенки одного и того же цвета – взгляд, которого с тех самых пор он упорно придерживался.

Но Эвола не остановился на написании политических очерков для «*Демократического государства*». Уже в 1926 году он стал публиковаться во влиятельном журнале «*Критика фашизма*», который основал и возглавил Джузеппе Боттаи, позднее – министр образования и губернатор Рима. Эвола знал Боттаи со времен Первой мировой войны и службы в одном артиллерийском полку. Они договорились немного «поднять

¹⁴ Государственный переворот (фр.). – Прим. пер.

¹⁵ Julius Evola, "Note critiche sulla dottrina democratica", *Lo Stato Democratico*, no. 15, 1925.

бурю», что у Эвола незамедлительно и получилось, так как «Критику фашизма» читали и высокопоставленные функционеры фашистской партии.

Смысл его статей в «Критике» был всегда одинаков: борьба против католической церкви, против буржуазности в фашизме, против чиновничества с его лакействующим заискиванием, а также досада на то, что настоящую культурную революцию, основанную на духовности, фашизм так и не свершил. Практические проблемы управления государством не заботили Эволю, как и трудности с воплощением его теорий на практике. Так, в статье «Размышления о государстве как могуществе» он пишет: «Мы выстраивали настоящее представление о государстве всецело априори, независимо от какой-либо исторической реальности. Но априори не означает абстрактно. Идея должна основываться на суждении о реальности, а не наоборот. Задача наших размышлений состоит в том, чтобы установить, какие ценности должны быть актуальными в нынешнем небезопасном человеческом мире, а не в том, чтобы просто описать, какие ценности существуют. И если идея не соответствует повседневной реальности, не следует, тем не менее, называть ее абстрактной. Скорее, абстрактны и пассивны воля и сила человеческих существ, не живущих согласно идее».¹⁶

Заранее можно было предположить, что подобные речи не смогут найти поддержку у правящего режима, особенно у партийных функционеров, обеспокоенных своими карьерами и семьями. В итоге даже его друг Боттаи отказался помогать Эволе, когда нападки на философа (а значит, и на него самого как издателя, предоставляющего ему слово) стали особенно интенсивными. Непосредственной причиной такого отношения стал выход в «Критике фашизма» в 1927 году эссе «Фашизм как воля к империи и христианство», которое привело к настолько яростным реакциям, что Боттаи больше не смел защищать Эволю и даже не позволил ему ответить на критику. При этом самыми резкими нападками отличилась католическая церковь.

Эти атаки достигли кульминации после публикации весьма спорной первой политической книги Эвола «Языческий империализм». Со страниц журналов и газет на Эволю полился поток оскорблений: даже в «Римском обозревателе» была напечатана статья против него, что сразу же сделало молодого философа знаменитым.

В данной книге, которую позже сам Эвола называл излишне поспешной и поэтому запрещал ее переиздавать, он нападал не только на католическую церковь, но и на протестантизм, одинаково яростно критиковал Советский Союз и Америку, но больше всего обрушивался на недостатки уже всемогущего к тому времени фашистского режима.

Проиллюстрируем сказанное примером: «С одной стороны, так называемые иерархии фашизма почти всегда состоят из обычных партийных вождей, зачастую выходцев из низших слоев, не имеющих титула, не связанных с подлинной духовной традицией и обладающих, в большинстве случаев, лишь способностью к внушению, свойственной народным трибунам или кондотьерам (в том светском смысле этого слова, которое было характерно для эпохи Возрождения), нежели какими-то подлинно аристократическими чертами. Фашизм, поглощенный борьбой и заботами конкретной политики, по-видимому, не интересуется созданием иерархии в ее высшем значении, иерархии, основанной на чисто духовных ценностях и знании, презирающей всю скверну «культуры» и современного интеллектуализма, чтобы ее центр мог вновь занять то положение, которое в равной степени находится вне светских и религиозных ограничений. Фашистское обращение к римским символам далеко от языческой римской идеи Империи, не только воинствующей, но и священнодействующей; данная идея разоблачила бы компромиссную и исключительно оппортунисти-

¹⁶ Julius Evola, "Idee su uno stato come potenza", *Critica Fascista*, 1926.

ческую подоплеку союза интегрального фашизма с какими бы то ни было формами иудео-христианской религии».¹⁷

Замечание о том, что фашистский режим «лучше, чем вообще ничего», вряд ли могло помочь избежать критики.

Другая цитата проливает свет на то, что двигало Эволой и во что он верил: «Как живое тело остается живым только тогда, когда есть управляющая им душа, так и всякая социальная организация, не укорененная в духовной реальности, поверхностная и преходящая, неспособна оставаться здоровой и сохранять свою идентичность в борьбе различных сил; в этом случае она является не организмом, а набором свойств, собранных вместе, неким агрегатом. Причина упадка политической идеи на современном Западе состоит в том, что духовные ценности, некогда пронизывавшие социальный порядок, исчезли, а попытки поместить на их место нечто лучшее оказались бесплодны. Проблему понизили до уровня экономических, промышленных, военных, административных или других, еще более сентиментальных, факторов, не понимая, что все это есть не что иное, как материя, необходимая, если хотите, но никогда не достаточная сама по себе, материя, не способная создать здоровый и разумный социальный порядок – подобно тому, как не может простое взаимодействие механических сил породить живое существо».¹⁸ Следовательно, одна вещь, по сути, была превыше всех прочих: «Принципом и основанием нового государства должна быть идея органичности».¹⁹

Чего же еще добивался Эвола? Возрождения древнего величия Рима. Он пишет: «Рим был одновременно материальным и духовным могуществом: *«он возник, дабы высшей властью управлять народами земли, утверждая дисциплину, дабы устроить мир, быть снисходительным к побежденным и сокрушать непокорных»* (Вергилий, *«Энеида»*, VI, 852-854), и в то же время был чем-то сакральным... ибо не существовало такого проявления жизни, общественной или частной, как в войне, так и в мире, не сопровождаемого ритуалом или символом – Рим был культурной формацией непостижимого происхождения, имевшей своих полубогов и божественных царей...»²⁰ Воскрешение Рима должно было совпасть с формированием подлинной священной монархии. Приведем цитату: «Конечно, этот идеал подразумевает не только утверждение понятия аристократии и ее прав, но и утверждение монархии... Она должна быть восстановлена и усилена, должна стать динамичной как органичная, центральная, абсолютная функция, воплощающая мощь власти и свет духа в отдельном существе; в этом случае монархия действительно является деянием всей расы и в то же время тем, что ведет за пределы всего связанного с кровью и почвой. Только тогда есть основания говорить об Империи. Только тогда она превращается в великолепную, священную, метафизическую реальность, вершину по-воински упорядоченной политической иерархии. Только тогда монархия вновь занимает то место и исполняет ту функцию, коими когда-то обладала, прежде чем их узурпировала жрецкая каста».²¹

Эвола полагал, что сим боевым кличем у него получится задать фашизму иное направление и, возможно, предотвратить конкордат с церковью в самый последний момент. Но фашизм не откликнулся на этот призыв. Практические вопросы повседневного управления и карьеризм были слишком далеки от подобных идей. Тем не

¹⁷ Julius Evola, *Heidnischer Imperialismus*, Leipzig, 1933, p. 98.

¹⁸ Ibid, p. 14.

¹⁹ Ibid, p. 26.

²⁰ Ibid, p. 43.

²¹ Ibid, p. 24.

менее, известно, что Антонио Грамши, один из основателей Итальянской коммунистической партии, считавшийся ее ведущим теоретиком (которого уважали как левые, так и правые), определенно обратил внимание на данную работу Эвола.

Несмотря на то, что книга не нашла никакого положительного отклика в Италии, ее заметили в Германии, и в 1933 году издательство «Арманен-Ферлаг» выпустило расширенную версию оной. Благодаря этому Эвола смог совершить свои первые лекционные туры по Германии и установить контакты с приверженцами Консервативной Революции. Довольно интересен комментарий бригадефюрера СС Карла Марии Вайстхора (настоящая фамилия Вилигут), о котором мы поговорим позже. В докладе рейхсфюреру СС Генриху Гиммлеру, датированном 7 августа 1938 года (R.A. III 2309/6/392), после сообщения о книге Эвола «*Языческий империализм*» он пишет: «Удивительно, что человек в сегодняшней решительно националистической Италии смеет публично доверять такие мысли бумаге».

В 1929 году появился известный очерк Эвола «Американизм и большевизм».²² Вслед за идеями, изложенными в «*Языческом империализме*», эта статья возвещает об опасности разделения мира между Америкой и Советским Союзом, что стало бы проигрышем Европы. Обе силы стараются поработить человека, хотя применяют различные методы и стремятся к различным целям. Духовный элемент не учитывается ни в том, ни в другом случае.

Этот же год стал периодом завершения магических работ группы УР, которая с 1928-го называлась КРУР. Как говорит Эвола в последнем журнале «*Крур*», подлинных внутренних или эзотерических опытов больше не было, а значит, добавить к уже опубликованному нечего, поэтому он ощутил, что теперь должен перейти к активности в экзотерической сфере. Поскольку немногие издания желали печатать его статьи, Эвола вместе с несколькими друзьями основал свой собственный журнал, который получил название «*Башня*»,²³ хотя, как он писал в послесловии к журналу «*Крур*»,²⁴ времена наступили чрезвычайно трудные. Но Эволе по сердцу были слова индийского мудреца Шанкары: «Дерзай менять свою личность, подобно облакам, перемещающимся по небу туда и сюда. И так же, как все темные тучи вместе не могут закрыть изумрудное спокойствие неба, так и страдания и страсти мира не могут нарушить невозмутимое состояние просветленной души». Журнал был назван «*Башней*», но он был «не убежищем, а местом сопротивления, борьбы высшего реализма во имя немногих, одиноких, свободных и непреклонных».

Этот проект позволил Эволе проверить степень собственного влияния на культурные и политические потоки своего времени. Среди авторов издания числились поэт Джироламо Коми, ставший позднее знаменитым психоаналитик Эмилио Сервадио, известный альпинист Доменико Рудатис, римский мистик Гвидо де Джорджо и Рене Генон. Кроме того, в журнале появлялись статьи Жюльена Бенды, Кришнамурти и даже Пауля Тиллиха, а также выдержки из работ Ницше и Бахофена (печатались ли все статьи с согласия авторов, ныне определить невозможно).

В передовице к первому выпуску «*Башни*» Эвола пишет: «Неустанно и бескомпромиссно мы выступаем против снижения духовного уровня, что вошло у современного человека в привычку... Мы сопротивляемся потере всякого высшего смысла в жизни, материализации, социализации и стандартизации, которым все подчинено... Мы желаем быть угрозой, вызовом и обвинением... всему тому, что слабо, стремится к компромиссам и порабощено общественным мнением и мелочным приспособленчеством

²² Julius Evola, "Americanismo e Bolscevismo", *Nuova Antologia*, 1929.

²³ Новое издание: *La Torre*, Milan, red. Marco Tarchi, 1977.

²⁴ Новое издание: *Krur 1929*, Rome, 1981, p. 385.

к текущему моменту... [Этим журналом мы выражаем] непоколебимый протест против тирании всего экономического и социального, каковая нагло пропитывает все вокруг, и против низведения всякого возвышенного мировоззрения до уровня самого ничтожного гуманизма».²⁵

Для первого выпуска журнала Эвола написал статью, которая стала своего рода «визитной карточкой» издания. В ней говорится: «Наш журнал был создан не для того, чтобы «нашептывать» или «внушить» что бы то ни было фашизму или Муссолини, потому что ни фашизм, ни Муссолини не знали бы, что делать с такими намеками. Наш журнал был создан для отстаивания принципов, которые для нас абсолютно неизменны, независимо от того, при каком режиме мы живем: коммунистическом, анархистском или республиканском». Эвола ссылается на собственные мысли об иерархии, укорененности в трансцендентном и имперской идее, кои мы уже упоминали. Затем он продолжает: «До тех пор, пока фашизм следует этим принципам и защищает их, до тех пор мы можем считать самих себя фашистами. Вот и все».

И далее: «Мы находимся в открытой оппозиции определенной мифологии, желаящей превратить духовность и культуру в сферу, зависящую от политики. Мы же утверждаем, что именно политика должна зависеть от духовности и культуры».²⁶ В связи с этим становятся очевидны цели, которые преследовал Эвола относительно фашизма, проясняются его убеждения и направление усилий.

Уже спустя месяц после начала издания (журнал выходил раз в две недели) тираж был конфискован из-за того, что Эвола энергично выступал против плана Муссолини по увеличению численности населения (статья «Отечеству нужны люди»).

К пятому номеру (1 апреля 1930 года) Эвола счел необходимым написать преамбулу под следующим заголовком: «Вещи, поставленные на место, и кое-какие простые слова». Среди прочего там можно прочесть такие строки: «Мы не являемся ни «фашистами», ни «антифашистами». «Антифашизм» есть ничто. Но для нас как интегральных сторонников Империи, проявляющих склонность к аристократизму, непримиримых противников плебейской политики, любой «националистической» идеологии, всяких партийных чинов и всех форм партийного «духа», а также какой-либо более или менее замаскированной формы социализма или демократии, фашизма недостаточно. Мы хотели бы более радикального, более бесстрашного, более абсолютного фашизма, чья чистая сила и несгибаемый дух будут направлены против любого компромисса, каковой сгорит в истинном пламени имперского могущества. Мы никогда не будем считаться «антифашистами», за исключением того, что до некоторой степени «сверхфашизм» можно приравнять к «антифашизму». Мы не видим никаких преград, которые бы мешали нам свободно выражать свое мнение. Напротив, мы считаем преимуществом то, что с самого начала было известно цензорам: этим экспериментом с «Башней», пусть даже в такой скромной форме, мы хотим показать внешнему миру, до какого момента строгая имперская и традиционная мысль имеет шанс на выживание в фашистской Италии, особенно когда она остается свободной от любого политического соглашения и повинуетя лишь чистой воле к отстаиванию идеи».

Эвола пошел еще дальше: когда ему напомнили о том, что Муссолини думал совсем иначе (нужно не забывать о тоталитарном характере тогдашнего фашизма), он ответил в своей статье так: «Тем хуже для Муссолини!» На страницах «Лука и булавы» (это название – ироническое выражение того, что дальние противники имели бы дело с луком, а ближайшие – с булавой) Эвола до конца отпустил поводья своей по-

²⁵ *La Torre*, Milan, red. Marco Tarchi, 1977, p. 21.

²⁶ *Ibid*, p. 43.

лемики и сатиры. Его оппоненты почти всегда являлись партийными функционерами, сделавшими карьеру посредством продолжительной службы и зачастую бывшими выходцами из рядов уличных бойцов. Образование и культура не были их сильными сторонами, поэтому Эвола всегда выигрывал. Такими выражениями, как «капустные головы», и сентенциями наподобие «этим людям следует научиться читать, прежде чем рассуждать обо мне»²⁷ он нажил себе немало врагов. Вскоре политический департамент полиции сделал ему предупреждение и рекомендовал быть более сдержанным, поскольку высшие чины фашистской партии уже стали принимать меры против него. Он сносил ежедневные нападки и не мог передвигаться по Риму без приставленного к нему друзьями телохранителя. В силу воинственного характера Эволу не тревожили эти неприятности, но из самых высоких инстанций во все типографии, которые могли бы печатать «*Башню*», пришли приказы отказать от каких-либо заказов, сделанных господином бароном. Таким образом, всего через полгода журнал прекратил свое существование.

Любопытно, что такая нефашистская, скорее даже антифашистская периодика, как «*Критика*» Кроче, имела возможность издаваться в течение всего фашистского периода, тогда как «сверхфашистский» журнал «*Башня*» стал жертвой цензуры. Из такого положения дел становится очевидным, кто служил режиму и его функционерам больше или, по крайней мере, меньше ему вредил.

Когда в автобиографии Эвола писал об эпохе, предшествовавшей 1930 году, он вспоминал о том, что действовал «с идеалистическим простодушием и мало считался с практичностью и тактикой». Вслед за тем он осознал, что, дабы продолжать свою деятельность, необходимо найти «какую-то опору внутри цитадели».²⁸ Вскоре он обрел ее с помощью Джованни Прециози, который познакомился с «*Башней*» ввиду того, что сам был редактором весьма агрессивного издания «*Итальянская жизнь*». К тому же он знал Артуро Регини. Хотя между Прециози, сыном ревностных католиков, и Муссолини имелись поначалу некоторые трения, своей честностью он смог завоевать доверие дуче. В результате, как пишет Эвола, Прециози наслаждался своего рода неприкосновенностью, которая предоставляла большую степень свободы в деятельности его журнала. Итак, Эвола не только смог высказывать свои взгляды в печатном органе Прециози, но даже получил возможность за счет журнала выехать за границу, например, в Германию и Румынию. Прециози оказал неоценимую услугу Эволе, познакомив его с Роберто Фариначчи. Как и Прециози, Фариначчи какое-то время был в плохих отношениях с дуче, потому что обнародовал информацию о махинациях его брата. Однако, вследствие преданности, правдивости и силы характера Фариначчи, между ним и Муссолини сложились близкие отношения. Благодаря этому он стал практически неуязвим. Фариначчи руководил изданием «*Фашистский режим*», входившим в то время в число официальных государственных средств массовой информации.

Он предложил Эволе совершенно свободно заниматься пропагандой тех идей, которые тот всегда отстаивал, на специальной странице своего журнала каждые две недели. Создалась абсурдная ситуация: несмотря на то, что «*Башня*» больше не могла выходить, излагавшиеся в ней идеи стало публиковать правительственное издание. Как отмечал сам Эвола, в лице Фариначчи он нашел «ангела-хранителя», прилагавшего максимум усилий для его защиты. Фариначчи не обращал внимания на то, что барон не только не являлся членом партии, но и не имел намерения им становиться. Так Эвола обрел «опору внутри самой цитадели». Фариначчи был недостаточно образованным человеком, что сам вполне осознавал и считал пороком. С помощью Эволы он хотел привнести в фашизм «культуру».

²⁷ Julius Evola, *L'arco e la clava*, Milano, Vanni Scheiwiller, 1968, p. 130.

²⁸ Julius Evola, *Il cammino del cinabro*, Milan, 1972, p. 102.

Было решено создать философский подиум для обращения к духовной элите. Его назвали «Философской диорамой» и снабдили подзаголовком «Проблемы духа в фашистской этике».²⁹ Этот особый раздел, появлявшийся почти непрерывно в течение десяти лет (до 1943 года), был подлинной антологией правых мыслителей, среди которых преобладали неортодоксальные и беспартийные. Фактически Эвола хотел собрать вместе правых нонконформистов Европы, которые смогли бы исполнить труд по исправлению режимов фашистского типа, доминировавших повсеместно в ту пору, к чему так стремился он сам. (К моменту их краха Эвола посетил множество стран, убеждая правых интеллектуалов сотрудничать с «Философской диорамой».) К примеру, в предисловии к «Диораме» (от 2 февраля 1934 года) мыслитель говорит о потребности в элите, которая будет функционировать как «живая душа в центре иерархической тотальности».

Эволе удалось привлечь к этому проекту самых разносторонних авторов. Подобная свобода стала возможной прежде всего потому, что «Диорама» публиковалась в одном из самых лояльных к партии печатных органов и, значит, была менее подвержена враждебной критике. Среди принимавших участие в ее деятельности следует упомянуть Франца Альтгейма, [Отмара Шпанна](#), Вальтера Генриха, Гонзаго де Рейнольда, известных поэтов Готфрида Бенна, Карла Вольфскеля (выходца из окружения Стефана Георге) и Поля Валери. Свой вклад внесли и такие выдающиеся монархисты, как принц Карл Антон Роан, Эдмунд Додсворт, сэр Чарльз Петри и А.Э. Гюнтер (не путать с Г.Ф.К. Гюнтером), а также издатель «Немецкой народности» (*Deutsches Volkstum*) Вильгельм Штапель. Бывшие сотрудники «Башни» Гвидо де Джорджио и Рене Генон тоже писали для «Диорамы». Среди авторов статей числился даже грузин Григол Робакидзе. Г. Прециози и Г.А. Фанелли, вероятно, следует считать кем-то вроде официальных сторонников этого издания. В журнале появилась даже статья Генриха Гиммлера, правда, лишь в виде резюме, поскольку у него, или, по меньшей мере, у его окружения, это сотрудничество восторга не вызвало, что подтверждают документы Немецкого федерального архива города Кобленца.

В «Философской диораме» рецензировалась поэзия Пруста, Джойса и Томаса Манна, публиковалась критика фрейдистского и юнгианского психоанализа, отзывы о трудах Ницше, Бахофена и Бергсона. Кроме этих текстов – скорее всего, многие читатели воспринимали их с трудом – в «Диораме» обсуждались темы, связанные с текущими событиями фашистского периода. Среди них можно выделить проблемы корпораций, вопросы уникального фашистского искусства, архитектуры и этики.

В 1931 году увидело свет не связанное с политикой, превосходное исследование алхимии, которому Эвола дал название «Герметическая традиция».³⁰ Эта книга обнаруживает близкое знакомство ее автора с сотнями алхимических текстов и была удостоена похвалы К.Г. Юнга и Мирчи Элиаде. В конце своей книги «Произведение в черном» член Французской академии Маргерит Юрсенар называет «Герметическую традицию» одним из лучших исследований по алхимии.

Три года спустя Эвола издал свой «неофициальный opus magnum» «Восстание против современного мира».³¹ В этой работе он консолидировал свою мысль, основыва-

²⁹ Репринт первого тома «Диорамы» со статьями 1934-1935 гг. был издан в Риме в 1974 году (*Diorama Filosofico*, Rome, 1974). Он был снабжен содержательным предисловием Марко Тарки «Эвола и исторический феномен фашизма» (Marco Tarchi, "Evola e il fenomeno storico del fascismo").

³⁰ Julius Evola, *La tradizione ermetica*, Bari, Laterza, 1931.

³¹ Julius Evola, *Rivolta contro il mondo moderno*, Milano, Hoepli, 1934. Автор три раза исправлял данное произведение (в 1935 году под названием *Erhebung wider die moderne Welt* оно было опубликовано в Германии штутгартским издательством «Верлаг-Анштальт»), в окончательном виде оно увидело свет в Риме в 1969. Вышеуказанное издание стало основой для английского

ясь на традиционном мировоззрении. Это не политическая книга в строгом смысле слова; скорее ее можно назвать метаполитической. Подкрепленная массой цитат из древних философских и религиозных сочинений, она представляет собой духовное основание, на котором, согласно Эволе, должна быть выстроена вся политика как таковая. Без всякого преувеличения можно сказать, что ни одно произведение Эволы, включая его политические труды, нельзя понять, не изучив предварительно «Восстание». Единственными исключениями будут работы, написанные до 1925 года, хотя даже в них прослеживаются некоторые отдельные аспекты традиционного мировоззрения.

Книга беспощадно сводит счеты с современностью, особенно с понятием прогресса. Эвола утверждает (в соответствии с учениями античности и религиозными верованиями Индии), что мир пребывает не в состоянии постоянного совершенствования, но, скорее, в процессе нарастающего упадка. Причина такого положения дел – в возрастающей десакрализации жизни и истории. Священное, которое пронизывало и возвышало каждый аспект жизни в традиционном мире, от семьи до государства, было полностью утрачено и заменено чисто экономическими отношениями, повлекшими за собой небывалую механизацию и стандартизацию. Особенно это заметно в сфере управления государством – власть должна безраздельно принадлежать королю-жрецу, действующему в качестве посредника между Небом и Землей. Несмотря на это, традиционный мир для Эволы (в данном отношении он следует за Геноном) – не ностальгическое обращение к прошлому, а историческое выражение надвременной реальности.

В рецензии на «Восстание» знаменитый поэт-экспрессионист Готфрид Бенн назвал книгу «работой... чья экстраординарная значимость... будет очевидна. Это – «эпохальная» книга. Тот, кто прочитает ее, изменится».³²

Мирча Элиаде, считающийся самым известным компаративистом-религиоведом современности, писал: «Эвола – одна из самых интересных личностей военного поколения. Он действительно человек потрясающих познаний... Мы рекомендуем данную книгу тем, кто хочет найти если не ответы на все вопросы, то, по меньшей мере, поразительно масштабное истолкование мира и истории».³³

ЭВОЛА И РАСИЗМ

Эвола основательно изучал расовый вопрос и неоднократно обращался к нему в своих газетных и журнальных статьях. Кроме того, он, в той или иной мере, касался данной темы в большинстве своих книг, а четыре работы посвятил исключительно ей. Обилие публикаций объясняется тем, что никакой иной проблеме мыслитель не уделял столько внимания, рассматривая как позитивные, так и негативные аспекты оной.

Выше мы уже говорили о реакции Муссолини на его расовые теории. Дуче предложил философу сделать их государственной «фашистской» доктриной. Если идеи Эволы где и обрели «официальный» характер и вытекающее отсюда влияние на правящий режим, то именно в расовом вопросе. Однако это имело место лишь после 1938 года, когда под давлением Германии Италия проводила собственные расовые

перевода 1995 года, вышедшего под заголовком *Revolt Against the Modern World*. Поскольку эта книга до сих пор имеется в продаже, то, несмотря на всю ее значимость, мы обсуждаем ее очень кратко.

³² *Die Literatur*, vol. XXXVII, 1934/1935, pp. 283-287.

³³ *Vremea*, March 31, 1935, p. 6 (цит. по: *Les Deux Etendards*, I/1, Luisant, 1988).

законы, и Муссолини искал в сей сфере свой путь, который должен был отличаться от национал-социалистического.

Но признание со стороны властей не было единственным побуждением философа. Эвола искренне интересовался расовой проблематикой и долго её штудировал. Он всегда сожалел о том, что его считали только «расистом», тогда как расовое учение являлось лишь элементом целостного мировоззрения мыслителя. Эвола всегда рассматривал тему расы как одну из многих других областей исследования, важную, но занимавшую иерархически более низкое положение по отношению к имевшим первостепенное значение основополагающим принципам. В позднем же фашизме и национал-социализме эта проблема доминировала над всеми прочими, а подход к ней, по мнению Эволы, был в корне неверным. В книге [«Основы фашистского расового учения»](#) он пишет следующее: «Вплоть до настоящего времени внимание уделялось в основном пропагандистскому и полемическому аспекту расового вопроса, в контексте борьбы с еврейством и прочих практических профилактических задач, нацеленных против смешения белых итальянцев с расами иных цветов. Но Италия не была подготовлена к восприятию позитивной, по-настоящему просветительной и, в конце концов, духовной стороны расового учения».³⁴

Поскольку Эвола, как нам уже известно, рассматривает всякую проблему, соотнося её с трансцендентным (чьё проявление в человеке он, в противоположность «душе», называет «духом»), то неудивительно, что, обращаясь к теме расы, философ придаёт особое значение духовному фактору.

Следующий отрывок даёт нам начальное представление об идее расы у Эволы: ««Обладать породой»³⁵ в совершенном и высшем смысле означает свойство, которое возвышается и над интеллектуальными достоинствами, и над так называемыми «естественными» способностями. Выражение «породистый человек» было общеупотребительным в течение долгого времени. В целом эта концепция носила аристократический характер. Из массы обычных и посредственных людей поднимаются люди «породы» как высшие, «благородные» существа. Конечно, данное благородство не обязательно должно было иметь какой-то геральдический смысл: честные и здоровые люди, выходцы из крестьянства, вполне могли производить впечатление «породы» в той же степени, что и уважаемые представители подлинной аристократии».³⁶

Эвола вводит здесь не поддающееся количественному определению понятие «качества», связанное со свойствами духа и отсутствующее в антропологическом взгляде на расу. «Качество» подразумевает, что человек может дифференцировать себя и возвыситься над бесформенными толпами. По мнению Эволы, расовая идея, таким образом, наделяется «смыслом, защищающим качество от количества, космос от хаоса... и наделенное формой от бесформенного».³⁷

Даже в послевоенной работе [«Фашизм с точки зрения правых»](#) Эвола отваживается сказать следующее: «Только раса является элитой и содержит ее в себе, тогда как народ остаётся всего лишь народом и массой».³⁸

³⁴ Julius Evola, *Grundrisse der faschistischen Rassenlehre*, Berlin, 1942, p. 8.

³⁵ У Эволы буквально «обладание расой». – Прим. пер.

³⁶ Ibid, p. 18.

³⁷ Ibid, p. 15.

³⁸ Julius Evola, *Il fascismo visto dalla Destra con in appendice: "Note sul Terzo Reich"*, Rome, 1970, p. 106.

Безусловно, Эвола не стремился полностью изъять из идеи «расы» биологическую составляющую, факт принадлежности к народу. Но он идёт дальше и приписывает каждой нации наличие не только биологической, но также «духовной» и «душевной» рас. Так, например, когда он говорит об «итальянской расе», то употребляет слово «раса» именно в этом последнем смысле.

Эвола затрагивает данную тему в «*Основах фашистского расового учения*»: «Расовая идея... отказывается считать «индивида как такового» атомом, субъектом в себе, обретающим ценность для себя самого. Напротив, каждый человек... в пространственном отношении рассматривается как звено социума, а во временном – как существо, в своём прошлом и будущем неразрывно связанное с преемственностью семьи, клана, с кровью и традицией».³⁹

Этим он подчёркивает наличие у человека *корней* в отличие от «индивидуалистической», как он её именуется, неукоренённости, при которой все индивиды взаимозаменяемы, у них отсутствует собственное лицо и «личность». Следовательно, Эвола возносит расовую идею над строго натуралистическим понятием народа и нации. Он пишет: «В этом контексте «раса» – то есть, высшая раса – несомненно, гораздо важнее «народа и нации»: она является руководящим и формирующим элементом нации и её доминантной культуры, что находится в полном согласии с фашистским учением, которое на деле отвергает представление о том, что нация и народ существуют вне государства.

Согласно фашистской доктрине, именно государство даёт нации форму и сознание. С другой стороны, фашизм не считает государство абстрактным и безличным объектом. Скорее, оно есть инструмент политической элиты, самой ценной части «нации». Фашистское расовое учение идет еще дальше: *этой элите суждено вновь принять наследие высшей расы и традиции, сохранившееся в национальном характере*. Когда в 1923 году Муссолини сказал, что «Рим был самым сердцем нашей расы, так будет завтра и так будет через тысячи лет. Рим – вечный символ нашего высшего существования», он ясно указал на окончательный вывод: *сверхраса итальянской нации есть «раса Рима», которую мы называем «арийско-римской» расой»*.⁴⁰

Итак, чисто биологического элемента для Эволы явно недостаточно. Следующая цитата наглядно это демонстрирует: «Биология является решающим фактором для кота или чистокровной лошади, и поэтому изучение расовых качеств в их случае может ограничиться данным критерием. Тем не менее, дело обстоит не так, когда речь заходит о людях, или, по крайней мере, о тех, кто достоин сего звания. Человек, безусловно, есть существо биологическое, но, кроме того, он связан с силами и законами иного рода, столь же реальными и действенными, как и сфера биологического, влияние которых на последнюю нельзя не заметить. Вот почему фашистскую расовую доктрину не может удовлетворить чисто биологический взгляд на расу».⁴¹

Далее в той же работе он приходит к занимающей его мысли: «Наша расовая доктрина обусловлена традицией. Следовательно, ее основание является традиционное представление о человеческом существе, в соответствии с которым природа данного существа трёхчастна, то есть, *включает три принципа: дух, душа и тело...*

Это означает, что фашистское расовое учение возвышается как над позицией тех, кто при оценке человека и всех его духовных способностей считает решающим фактором чисто биологическую расу, так и тех, кто, пользуясь точкой зрения расологии,

³⁹ Julius Evola, *Grundrisse der faschistischen Rassenlehre*, Berlin, 1942, p. 15.

⁴⁰ Ibid, p. 37.

⁴¹ Ibid, p. 41.

обеспокоенной лишь антропологическими, генетическими и биологическими проблемами, полагает, будто раса хоть и реальна, но не имеет никакого отношения к ценностям и проблемам сугубо духовной и культурной деятельности человека. В противоположность этому, фашистская расовая доктрина утверждает, что раса существует не только в теле, но также в духе и душе. Раса – глубоко укоренённая сила, которая проявляется в сфере биологии и морфологии (как раса тела), в психической сфере (как раса души) и в сфере духовной (как раса духа)». ⁴²

Затем следует вывод об иерархическом соотношении: именно дух создаёт своё тело. Эвола пишет: «Фашистское расовое учение понимает отношения между расой и духом на основе упомянутого принципа: *внешнее суть функция внутреннего, физическая форма – это символ, инструмент и средство выражения формы духовной*». ⁴³

Подобные идеи родились у Эволы задолго до начала 1940-х годов, когда были опубликованы «*Основы фашистского расового учения*». Уже в «*Языческом империализме*» (1928 год) мы можем прочесть: «Итак, в соответствии с нашей точкой зрения, учение графа Гобино содержит в себе лишь отблеск истины и не более. Вопреки его мнению, упадок качеств и факторов, составляющих величие расы, не является результатом её смешения с другими расами, результатом её этнического, биологического и демографического упадка. Наоборот, истина состоит в том, что упадок расы начинается тогда, когда вырождается её дух, когда ослабевает внутреннее напряжение, которому она обязана своей первоначальной формой и своим духовным типом. Именно тогда раса вырождается или изменяется, потому что была оторвана от своего сокровенного корня! Тогда она утрачивает незримое и несокрушимое преобразующее достоинство, благодаря коему иные расы не только не «инфицировали» её, но принимали её культурную форму и сметались ею как более мощным потоком.

Вот почему возвращение к расе не может быть для нас только возвращением к крови, особенно в эти сумрачные времена, когда произошли практически необратимые смешения. Оно должно означать возвращение к духу расы, но не в тотемистическом, а в аристократическом смысле, относящемся к изначальному истоку нашей «формы» и нашей культуры». ⁴⁴

В июле 1931 года в «*Новой жизни*» Эвола пишет: «Ошибка некоторых крайних «расистов», считающих, что возвращение расы к её этнической чистоте *ipso facto* ⁴⁵ равнозначно возрождению её людей, состоит именно в этом: они относятся к человеку так, как если бы он был породистым котом, лошадью или собакой. Для животного сохранение и восстановление расового единообразия (в его ограниченном определении) может быть важнейшим фактором. Но не для человека... Если бы простой факт принадлежности к чистой расе без дальнейших хлопот служил залогом «качества» в высшем смысле сего слова, то это было бы чересчур удобно».

Или в 1934 году в журнале «*Итальянское обозрение*» (статья «Раса и культура»): «Этот (аристократический) стиль является именно той особенностью, каковую в высшем смысле, т.е. относительно человека как человека, а не животного... можно назвать «расой»». ⁴⁶

⁴² Ibid, p. 43.

⁴³ Ibid, p. 47.

⁴⁴ Julius Evola, *Heidnischer Imperialismus*, Leipzig, 1933, p. 55.

⁴⁵ В силу самого факта (лат.). – Прим. пер.

⁴⁶ Julius Evola, "Razza e Cultura", *Rassegna Italiana*, XVII, 1934, pp. 11-16.

Уже в 1933 году Эвола начал критиковать расовые взгляды национал-социалистов (статья «Критические замечания относительно национал-социалистического "расизма"» в «Итальянской жизни»): «Расовая доктрина тогда имеет ценность, когда представляет превосходство качества над количеством, обособленного над бесформенным и органического над механическим. Но прежде всего – тогда, когда в качестве отправной точки она выбирает идеал фундаментального и подлинного единства духа и жизни, мышления и расы, культуры и инстинкта».⁴⁷

В ранее упоминавшейся статье против Розенберга («Современный парадокс») Эвола заявляет: «Дух ли придаёт расе (а в особенности нации) форму, или раса наделяет формой дух? И ещё ближе к сути: сверху или снизу приходит решение этого вопроса?»

А в «Основах фашистского расового учения» он утверждает следующее: «В своей высшей форме расовая доктрина имеет значение революционной в культурном и духовном смысле идеи. Она может даже принять значение «мифа» (как определял его Сорель, т.е. идеи-силы), значение центра концентрации творческих энергий и событий эпохи».⁴⁸

Таким образом, очевидно, что эволианское понимание «расы» существенно отличается от общепринятых воззрений. Прежде всего, он вводит трёхчастную структуру и разграничивает расу тела (которая охватывает обычное понятие о расе), расу души (тип характера, образ жизни и эмоциональное отношение к окружающей среде и обществу) и расу духа (разновидность религиозного переживания и отношение к «традиционным» ценностям). Поэтому, как выразился Муссолини при первой встрече с мыслителем, категории Эволы будут соответствовать платоновскому разделению народа на три группы: широкие массы, воины и мудрецы.

Поскольку труднее всего понять смысл именно «расы духа» – а сам Эвола не всегда даёт ей единообразные определения – мы приводим еще одну цитату (статья «Заблуждение научного расизма» из журнала «Итальянская жизнь»):⁴⁹ «Мы хотим пояснить, что дух для нас – это не философские игры, «теософия» или благочестиво-мистическое бегство от мира; дух для нас суть то, что в лучшие времена благородные люди называли *породой*,⁵⁰ то есть, прямота, внутреннее единство, характер, достоинство, мужественность, непосредственная восприимчивость ко всем тем ценностям, что составляют саму суть всего человеческого величия и управляют этой случайной реальностью, ибо значительно её превосходят. С другой стороны, ту расу, каковую сконструировала наука, превратив её в статуэтку из антропологического музея, мы оставляем псевдо-интеллектуальной буржуазии, цепляющейся за идолов позитивизма XIX столетия».⁵¹

Далее в той же статье содержится одно из самых резких критических высказываний Эволы против так называемого «научного» расизма, которое нанесло сильный вред его репутации в официальных кругах. (Не стоит забывать, что в 1942 году, вследствие идущей войны, расовая кампания считалась крайне важной.) Эвола говорит:

⁴⁷ Julius Evola, "Osservazioni critiche sul 'razzismo' nazional-socialista", *Vita Italiana*, XXI, 248, pp. 544-549.

⁴⁸ Julius Evola, *Grundrisse der faschistischen Rassenlehre*, Berlin, 1942, p. 7.

⁴⁹ Рецензия в «Литературной диораме» (*Diorama Letterario*, no. 138, 1990) на публикацию антологии «Статьи из «Итальянской жизни»», которой мы обязаны значительной порцией вдохновения, даёт хороший обзор статей Эволы, написанных им для этого журнала.

⁵⁰ У Эволы – «расой». – Прим. пер.

⁵¹ Julius Evola, "L'equivoco del razzismo scientifico", *Vita Italiana*, 1942.

«Те, кто сегодня борются за «исключительно научный расизм», желают снискать расположение «людей». Вместо того чтобы содействовать ликвидации изжитого мифа, распространённого в малообразованных слоях общества, они полагают, что могут использовать его в качестве прочной основы, чтобы «произвести впечатление» и придать авторитет незрелым идеям и дилетантскому расизму, который не желает слышать критику в адрес своих неглубоких суждений, но при ближайшем рассмотрении оказывается непоследовательным и противоречивым».

Это свидетельство того, что Эвола отчаянно боролся против поверхностности физического расизма. Он неоднократно крайне негативно отзывался об измерении черепов и других подобных методах. Вполне естественно, что, уделяя особое внимание духовной сфере, Эвола отвергал то, что Троцкий назвал «зоологическим материализмом». Кроме того, происхождение «расового мышления», как он его понимал, Эвола связывал с аристократической традицией, для которой всё, что относилось к материи, не имело никакого значения. Решающим фактором была принадлежность к благородному сословию. Поэтому лишь в редчайших случаях королевские династии происходили из народа, которым они управляли. И то, что эти династии всегда сочетались браком с теми, кто живут по ту сторону границ их страны (например, у Габсбургов были даже монгольские предки), свидетельствует о том же.⁵² Данный «духовный расизм» очевиден и в высказывании Эвола (вызвавшем крайне негативную реакцию в националистических кругах) о том, что вовсе не местность, в которой родился человек, является его отечеством; «отечество – это общность идей», поскольку «в настоящее время все люди – это расовые смеси, в целом отличающиеся от того расового базиса, на коем было положено начало их единообразию».

Как и в случае понятия «расы», при употреблении термина «арийский» Эвола мало считался с общераспространёнными воззрениями. Конечно, на него сильно воздействовал дух времени, поэтому слово «арийский» для него было автоматически наделено позитивным смыслом.⁵³ Кроме того, нельзя забывать, что Эвола изучал буддистские писания, в которых постоянно упоминается слово *арья*, обычно имеющее значение «благородный».⁵⁴ В своей книге о буддизме «*Доктрина пробуждения*»⁵⁵ он подробно останавливается на этом термине. Эвола говорит, что *арья* очень трудно перевести, поскольку в данном слове сокрыты несколько значений. И даже такие выдающиеся ориенталисты, как Рис-Дэвидс и Вудворд, в своих работах оставляли его непереверждённым. *Арья* действительно означает аристократический, благородный, но может нести четыре разных смысла:

1. В духовном значении *арья* часто приравнивается к «пробуждённому» в буддистском каноне.
2. В аристократическом значении, для указания на действительную принадлежность к высшей касте.
3. Также, очевидно, в расовом значении, для установления различия между арийскими народами, прибывшими с Севера, и завоёванными ими местными слоями насе-

⁵² Относительно этой темы см. статью философа «О сути аристократического духа и его современной функции» (Julius Evola, "Sull'essenza e la funzione attuale dello spirito aristocratico", *Lo Stato*, XII, 10).

⁵³ Сущностные аспекты того, что Эвола подразумевает под «арийским» и «нордическим», нам уже известны из его речи, произнесённой в декабре 1937 года, которую мы цитировали выше.

⁵⁴ Невозможно не заметить, что буддистскими и расовыми исследованиями Эвола занимается в один и тот же период времени.

⁵⁵ Julius Evola, *La dottrina del risveglio*, 1942, p. 23 (англ. издание: *The Doctrine of Awakening*, Rochester, Vt., 1995).

ления (слово *варна*, санскритское «каста», изначально означало «цвет», поскольку кожа нордических завоевателей была гораздо более светлого оттенка).

4. В значении особого «стиля», который находит своё выражение в кристальной ясности сознания, отсутствии эмоций и склонности к аскетизму. Здесь Эвола без колебаний сравнивает данный «стиль» с понятием «отрешённости» у Майстера Экхарта.

Это проливает иной свет на идеал «арийско-римской» расы, которого придерживался Эвола. В том же сакральном, аристократическом смысле необходимо рассматривать и понятие «римского характера». И даже если сам Эвола не всегда придерживался вышеупомянутых интерпретаций (особенно в своих многочисленных газетных статьях), несомненно, что они резонировали в его воображении. Поэтому следует быть осторожным, читая об «арийско-римском» стиле или подобных идеях в его работах. Если ныне, после крайностей национал-социалистической эры, такие слова, как «арийский» и даже нейтральное «раса», имеют негативный оттенок, то это вовсе не означает, что в те времена дело обстояло точно также. Тем не менее, как подчёркивает Джованни Монастра (статья «Аристократическая антропология и расизм. Путь Юлиуса Эвола в проклятую землю» в журнале «*Политика Герметика*»),⁵⁶ скорее всего Эвола считал, что почти все народы относили себя к «благородным» и презирали иные этнические группы, так было в эпоху раннего буддизма, так происходит и в наши дни.

В 1952 году, когда Эвола предстал перед судом, в своей знаменитой «Самозащите» он заявил: «Следует уяснить, что в современных расовых исследованиях понятия «арийский» и даже «нордический», по сути, не подразумевают ничего «немецкого». Термин «ариец», синоним слова «индоевропеец», по праву применяется к примордиальной, доисторической расе, из которой вышли первые основатели индийской, персидской, греческой и римской цивилизаций, тогда как немцы являются всего лишь позднейшим побочным её ответвлением».

Все эти цитаты позволяют понять, что расовые взгляды Эвола не были почерпнуты у Ваше де Лапужа, Гобино, Чемберлена, Розенберга и других. Его предшественниками были Монтень, Гердер со своим *Volkergeist* (духом народа), Фихте, Лебон и Л.Ф. Клаусс, вероятно, наиболее сильно повлиявший на эту сферу изысканий Эвола. Скорее всего, именно Клаусс, благодаря своему *Rassenseelenkunde* (учению о расовой душе), вдохновил Эволу на развитие его доктрины расового духа (*Rassengeisteskunde*). Клаусс, никогда не вступавший в ряды NSDAP, тоже восстал против исключительно биологических тенденций в германском расизме. Он пробовал проводить различия между народами на основе их разнообразных психологических качеств (в наше время это назвали бы этнической психологией). Но когда стало известно, что важнейшим ассистентом Клаусса была сожительствующая с ним еврейка, в его жизни начались неприятности, и в 1942 году он потерял место преподавателя в Берлинском университете. Эвола был лично знаком с Клауссом и очень уважал его.⁵⁷ Предтечей самого Клаусса был, по-видимому, Гюстав Лебон, развивавший положение о том, что формы общества у разных народов были выражениями их «расовой души». Эта «душа расы» действовала даже тогда, когда вследствие смешения с другими расами изменялись физические расовые характеристики («*Психология развития народов*»)⁵⁸.

⁵⁶ Giovanni Monastra, "Anthropologic aristocratiquet racisme: L'itineraire de Julius Evola en terre maudite", *Politica Hermetica*, Paris, 1988.

⁵⁷ См. очерк Робера де Эрте «Биографический и библиографический портрет Л.Ф. Клаусса» (Robert de Herte, "Profil bio-bibliographique de L. E Clauss", *Etudes et Recherches*, no. 2, 1983, p. 25).

⁵⁸ Gustave Le Bon, *Lois psychologiques du developpement des peuples*, Paris, 1894.

В целом можно сказать, что Эвола пытался выстроить расовую теорию, которая сочетала бы историю духа с историей расы. Подобный подход, по мнению Отмара Шпанна, берёт начало во втором периоде творчества Шеллинга.

Несмотря на то, что Муссолини был хорошего мнения о расовых воззрениях Эволы, разумеется, они не избежали нападков со стороны конкурентов мыслителя. А своими критическими выступлениями Эвола только увеличивал число врагов. Например, когда после принятия в 1938 году итальянских расовых законов – «*Расового манифеста*» – философ обвинил многих в том, что они вдруг «обнаружили в себе глубинный расовый позыв, навязанный презренным льстивым духом», это вряд ли прибавило ему друзей.

Тезисы Эволы вызвали очень горячие дискуссии, поскольку, в конечном счёте (вследствие затруднений, связанных с их практическим применением), они сводили на нет представление о тогдашнем «пригодном к употреблению» расизме. Исключительно внешние физические характеристики сами по себе больше не принимались в расчёт. Важной была внутренняя позиция, но кто мог проверить её тестами? Более того, вписывался ли хоть кто-нибудь в эту «высшую» расовую концепцию?

Приведём отрывки из заявлений критиков Эволы, дабы продемонстрировать, насколько яростно противники философа боролись с ним, вероятно, отчасти для того, чтобы лишить его «привилегированного» положения рядом с Муссолини.

Начнём с журнала иезуитского ордена «*Католическая цивилизация*»,⁵⁹ который осудил расизм Эволы как «невразумительную и антинаучную теорию».⁶⁰ В наше время интерес такого видного религиозного журнала к подобным вопросам показался бы странным. Однако эта история лишь пример того, что весь интеллектуальный мир того времени интересовался расовой проблемой. Именно церковные публикации позднее послужили одной из причин провала журнального проекта Эволы «*Кровь и дух*» (*Sangue e Spirito*).

Джорджио Альмиранте, после войны длительное время бывший лидером MSI (итальянская «неофашистская» партия), в своей статье «С тех пор как потерял прямой путь...» с подзаголовком «Против «заблудшей» овцы антибиологического псевдорасизма» в 1942 году отмечал: «Наш расизм должен быть расизмом крови, которую я ощущаю в самом себе и которую могу сравнить с кровью других. Наш расизм должен быть расизмом плоти и мускулов... иначе в итоге мы сыграем на руку ублюдкам и евреям... Поэтому «абсолютные спиритуалисты» должны убедиться в том, что сейчас не подходящий момент, чтобы, как они выражаются, «углубить» наш расизм».⁶¹

Угоберто Альфассио Гримальди (в те времена одна из наиболее показательных личностей в кругах расизма и фашизма, но после войны – депутат от Коммунистической партии) писал в своём обзоре книги Эволы «*Основы фашистского расового учения*»: «После стольких усилий расизм Юлиуса Эволы наконец завершается особой формой антирасизма... Как фашисты мы должны отвергнуть правомерность «автономного» расового учения, особенно когда концепт расы скрывает метафизические взгляды,

⁵⁹ *Civiltà Cattolica*, XCII, vol. III, 1941.

⁶⁰ За ссылку на этот источник мы выражаем признательность Марио Бернардни Гуарди и его очерку из журнала «*Авалон*» (Mario Bernardi Guardi, "Julius Evola: Scandalo e Ter", *Avallon*, X, 1986), в котором, среди всего прочего, Эвола причислен к «исследователям пещер духа». Другие выдержки, собранные профессором Джованни Конти, приводятся по «*Бюллетеню центра изучения наследия Эволы*» (*Bolletino del Centro Studi Evoliani*, no. 18, Genoa, 1977).

⁶¹ Giorgio Almirante, "Che la diritta via era smarrita...", *La Difesa della Razza*, V, no. 13, April 5, 1942.

возникшие не в нашей культурной среде... Именно поэтому читатель Эволю чувствует некое смущение, ибо под фашизмом у него подразумевается нечто крайне отдалённое, я мог бы даже сказать конечное и смертное, нечто, используемое в качестве *instrumentum regni*⁶² для легитимации иных принципов, имеющих с политикой всего лишь случайную связь. Здесь фашизм – не цель, но лишь средство к её достижению».⁶³

А в статье «Заметки на полях полемики о правомочности расового эзотеризма»⁶⁴ Гримальди пишет следующее: «Причины, по которым фашизм сражается против современной культуры определённой разновидности, включающей еврейскую компоненту, лишь в малой своей части совпадают с теми причинами, по которым эзотерики типа Эволю борются с культурой, не соответствующей идеалам фашизма, даже в чисто расовой сфере... Нет никаких сомнений в том, что Эвола убеждён в слабости фашизма (как он его представляет) по сравнению с эзотерическим миром, судя по его собственному заявлению в двухнедельнике «*Башня*»: «Мы не являемся ни «фашистами», ни «антифашистами»».

Даже Гвидо Ландра, весьма влиятельный руководитель департамента расовых исследований в Министерстве национальной культуры, соредатор официального периодического издания «*Защита расы*» («*La Difesa della Razza*») и соавтор упоминавшегося «*Расового манифеста*» (1938), яростно нападал на Эволю. В его статье «Биологический расизм и сциентизм», снабжённой соответствующим подзаголовком «За науку и против меланхолических поборников туманного спиритуализма», мы читаем: «Расисты первых лет фашизма, виновные лишь в том, что начали расовую кампанию в Италии и остались верными первоначальным и официально принятым взглядам, теперь обвиняются не в чём ином, как якобинстве и большевизме. Се обвинение – о чём даже больно говорить! – содержится в публикации, которой воистину может гордиться славная антиеврейская традиция; и обвинитель – писатель Эвола, который разглагольствует о профессоре Канелле и набрасывается на всех тех, кто остаётся преданным идее биологического расизма... Если спиритуалисты воспринимают выражения «биологическое» и «научное» как нечто отрицательное, мы отвечаем, что именоваться биологическими и научными расистами – это великая честь для нас».⁶⁵

В «*Итальянской жизни*» Ландра добавляет: «Самым слабым местом в учении Эволю является утверждение о том, что ариец может обладать душой еврея и наоборот. И довод о том, что к еврею можно было бы предвзято относиться, даже обладая он душой арийца, нас не убеждает. На деле, допущение подобного принципа имело бы ужасающие последствия для расизма, что в результате принесло бы пользу только евреям».⁶⁶

Ландра – вероятно, авторитетнейший официальный расовый теоретик – самую резкую критику выражал в собственном печатном органе «*Защита расы*»: «В известном ежемесячном издании «*Диорама*» [имеется в виду «*Философская диорама*»] появились очерки на расовую тему, «*Две расы*» Джулио Эволю и «*Наши враги*» Гвидо Каваллучи, в которых подвергается сомнению всякое реалистическое основание расизма, а антисемитизм даже называется всего лишь полемическим суждением... Ста-

⁶² «Инструмента царской власти» (лат.). – Прим. пер.

⁶³ Ugoberto Alfassio Grimaldi, *Civiltà Fascista*, IX, no. 4, 1942, pp. 252-261.

⁶⁴ Ugoberto Alfassio Grimaldi, "Ali margini di una polemica sulla validità di un esoterismo razzista", *Civiltà Fascista*, IX, no. 10, 1942, pp. 647-652.

⁶⁵ Guido Landra, "Razzismo biologico e scienziismo", *La Difesa della Razza*, VI, no. 1, 1942, pp. 9-11.

⁶⁶ Guido Landra, *Vita Italiana*, XXXI, no. 359, 1943, p. 151.

тья Эвола «Непонимание научного расизма» являет собой образцовый документ и памятник нынешней кампании, развязанной против итальянского расизма...»⁶⁷

В результате нападков такого рода и реакции на них со стороны высших инстанций, потерпел крах проект, которым Эвола, несомненно, очень дорожил. Он должен был стать редактором двуязычного немецко-итальянского журнала о расе. Этот проект разрабатывался вместе с Муссолини, и, сверх того, дуче заверил Эволу в полной своей поддержке сего начинания. Само название журнала было говорящим: *Sangue e Spirito – Blut und Geist* («Кровь и дух»). Замысел издания состоял в том, чтобы объединить немецкий и итальянский подходы к расовой проблематике, посредством него обе стороны надеялись представить друг другу собственные взгляды. Однако Муссолини, в конце концов, поддался постоянному давлению церкви и ортодоксальных фашистов, стремившимся склонить его к «биологической» расистской позиции, которая, помимо прочего, соответствовала национал-социалистической идеологии. В итоге он отказался от поддержки журнала. Равно как и министерство иностранных дел Германии, мотивировавшее свой шаг тем, что Эвола не собирался защищать любезный немцам расизм. Кроме того, драматически развивающаяся суматоха военного времени уменьшила значение этого и других похожих планов. Таким образом данный проект оказался обречён на неизбежный провал.

Теперь же мы обращаемся к ещё одному вопросу, который логически вытекает из расового учения Эвола – к антисемитизму.

[TERRA FOLIATA](#)

Посетите [Библиотеку Велесовой Слободы](#), где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также [Архив сайта](#)!

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).

⁶⁷ Guido Landra, *La Difesa della Razza*, VI, 1, 1942, p. 20.